

Н. А. Шматко

«ГАБИТУС» В СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

«Одна из функций понятия «габитус» состоит в указании на единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов... Габитус — это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т. е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик.

Как и позиции, продуктом которых они являются, габитусы дифференцированы, но они также и дифференцируют. Отличающие и дистанцированные, они сами есть операторы различений: они приводят в действие различные принципы дифференциации или используют различным образом общие ее принципы.

Габитусы являются порождающими принципами практик — различительных и различающих: что ест рабочий и особенно его манера есть, спорт, которым он занимается и его манера им заниматься, политические мнения и его манера выражать их — различают систематическим образом потребление и соответствующие практики рабочего и хозяина промышленного предприятия; здесь же различные схемы классификации, основания классификации, принципы видения и деления, вкусы. Однако одно и то же поведение или одно и то же благо может казаться утонченным для одних, претенциозным или «вычурным» для других и вульгарным для третьих.

Но главное в том, что когда они воспринимаются через эти социальные категории перцепции, т. е. принципы видения и деления, то различия в практиках и имеющихся благах, а также выражаемые мнения становятся символическими различиями и образуют, по сути, своего рода язык. Различия, ассоциирующиеся с различными позициями, т. е. блага, практики и, особенно, манеры функционируют в любом обществе как основополагающие различия символической системы, как ансамбль фонем языка или совокупность различительных черт и дифференциальных расхождений, являющихся конститутивными для данной мифической системы, т. е. функционируют как знаки различия» [1, с. 23-24].

Теоретической основой социологии П. Бурдьё является концепция «двойного структурирования», суть которой кратко может быть выражена в тезисе: социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны социальных отношений, объективированных в распределениях разнообразных ресурсов (капиталов) как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о данных отношениях и об окружа-

Шматко Наталья Анатольевна — руководитель Российско-Французского центра философии и социологии, Институт социологии РАН. Кандидат философских наук.

Адрес: 11756, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Институт социологии РАН. Тел. (095) 128-3332.

ющем мире, оказывающих обратное воздействие. Наряду с детерминацией со стороны объективных структур, П. Бурдьё вводит в анализ детерминацию со стороны исторических агентов и уточняет, что эта «...диалектика структур и действий эквивалентна диалектике объективных и инкорпорированных структур, что совершается в любом практическом действии» [2, с. 70]. Социальные отношения, интериоризируясь в ходе практической деятельности, превращаются в «практические схемы» (схемы производства практик) — инкорпорированные структуры. Последние в свою очередь обуславливают экстериоризацию породивших их объективных структур, заключающуюся в воспроизводстве практик агентами.

Концепция двойного структурирования включает два ряда детерминаций, отражающих, с одной стороны, генезис, с другой — структуру социальной действительности.

К первому относится установление причинно-следственных связей: существуют объективные (независящие от воли и сознания людей) структуры, которые воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов, именно они являются «конечными причинами» практик и представлений индивидуальных и коллективных агентов. С другой стороны, агентам имманентно присуща активность, именно они — источник непрерывных воздействий на социальную действительность.

Итак, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят и/или преобразуют структуры. Эти моменты генезиса социальной действительности для П. Бурдьё, однако, отнюдь не равнозначны и не рядоположены. Он не ограничивается констатацией того, что они находятся в «диалектической связи», но подчеркивает их иерархию. Обусловленность практик и представлений социальными структурами реализуется через их производство и воспроизводство агентами. В силу того, что они не могут осуществлять свои практики вне и независимо от «предпосланных» им объективных структур, являющихся необходимыми условиями и предпосылками любых практик (как в объективированной форме предметов и средств практик, так и в субъективированной — в виде диспозиций, знаний, навыков и т. д.), агенты могут действовать исключительно «внутри» уже существующих социальных отношений и, тем самым, лишь репродуцировать или трансформировать их. Говоря об активной роли агентов в воспроизводстве и производстве социальной действительности, П. Бурдьё подчеркивает, что оно невозможно без инкорпорированных структур — практических схем (схем порождения практик — «принципов, предписывающих порядок действия», и, в первую очередь, принципов классификации, принципов восприятия деления социальной действительности [3, с. 121]), являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур. Поэтому субъективное структурирование социальной действительности есть всегда подчиненный момент.

Второй аспект двойного структурирования социальной действительности — структурный: во-первых, социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени, во-вторых, агенты неравномерно распределены между социальными отношениями — не все агенты (индивидуальные или коллективные) и не в одно и то же время принимают участие в одних и тех же

социальных отношениях, в-третьих, неравномерно распределены между ними и объективации социальных отношений, которые П. Бурдьё называет капиталами, в-четвертых, инкорпорированные социальные отношения (диспозиции, социальные представления, практические схемы) также распределены крайне неравномерно: агенты, исходя из своих практических схем (интериоризированных социальных отношений), по-разному структурируют социальную действительность. Вместе с тем, структура субъективного структурирования, проявляющаяся через распределение его различных видов между агентами, подобна структуре объективного структурирования, ибо решающую роль в субъективном структурировании играют интериоризированные объективные структуры: практические схемы адаптируются к позиции агента уже хотя бы в силу того, что их содержание обусловлено предшествующей символической борьбой и поэтому, пусть в превращенной форме, отражает конфигурацию символических сил.

Габитус как структурирующая структура

Итак, объективные структуры являются условиями и предпосылками осуществления субъективных практик (восприятия, представления, мышления, коммуникации, действия) и «системно детерминируют» непосредственные социальные взаимодействия. Однако для того чтобы эти практики реализовывались, социальные структуры должны быть интериоризированы, эффективно усвоены, присвоены и даже инкорпорированы агентами, которые активно «конструируют» свое восприятие, выражение и оценивание социальной реальности, свои коммуникации и т. п. Отношения интериоризируются в форме социально структурированных *ансамблей практических схем* (схем производства практик агентом) или инкорпорированных структур — «габитусов» (габитус — от лат. *habitus* — свойство, состояние, положение), предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, порождающие практики и представления.

«Габитус как структурирующая структура (которая организует практики и их восприятие) есть также и структурированная структура: принцип деления на логические классы, организующий восприятие социального мира, сам является продуктом инкорпорации деления на социальные классы. ...Наиболее основополагающие оппозиции структуры состояний (высокий/низкий, богатый/бедный и т. п.) стремятся навязать себя в качестве фундаментальных принципов структурирования практик и восприятия этих практик. ...Стили жизни также являются систематическими продуктами габитусов, которые, будучи восприняты в взаимосвязях в соответствии со схемами габитуса, становятся системами социально квалифицированных знаков (например, «утонченный», «вульгарный» и т. п.). Диалектика состояний и габитусов лежит в основе алхимии, трансформирующей распределение капитала как итога отношения сил — в систему воспринимаемых различий, отличающих свойств, т. е. в распределение символического капитала, т. е. легитимного капитала, непризнанного в своей объективной истине» [4, р. 191 — 192].

Определяя габитус через систему диспозиций восприятия, оценивания и действия, П.Бурдьё употребляет термин «диспозиция» в смысле, близком к

пониманию его у Г. Олпорта: предрасположенность агента к поведенческому акту, действию, поступку и их последовательности, или осознанная готовность к оцениванию ситуации и к поведению, обусловленному предшествующим опытом. Однако в основе формирования габитуса лежат не только потребности, как в случае диспозиций, но и «характерологические структуры определенного класса условий существования, т. е. экономическая и социальная необходимость и семейные связи, или точнее, чисто семейные проявления этой необходимости...» [5, с. 50].

В понятии «габитус» важно не то, что он может быть представлен в качестве системы диспозиций (в таком случае «габитус» ничего не прибавлял бы к социологическому знанию), а то, что он выполняет роль «посредника» между «социальными отношениями» и «агентом». П. Бурдьё не дает дефиницию «габитусу» через систему диспозиций, но просто соотносит его с нею, чтобы продемонстрировать место «габитуса» в ряду имеющихся социологических понятий. Габитус определяется своим *происхождением* — тем, что он есть *интериоризированный ансамбль социальных отношений*, а также своим *положением* в системе производства практик — тем, что он является одновременно *результатом* интериоризации (*объективных*) *социальных отношений* и *необходимым субъективным условием практик агентов*, отсюда следует, что *габитус делает возможным экстериоризацию интериоризированного*, т. е. служит порождающим механизмом практик. Таким образом, сущность габитуса заключается в том, что он, во-первых, продукт интериоризации объективных социальных структур и, во-вторых, — необходимое индивидуальное условие их экстериоризации. Габитус — необходимая инстанция, опосредующая включение агента в социальные отношения и порождающая практики на основе двуединого процесса интериоризации/экстериоризации.

Поскольку «габитус» рассматривается в качестве порождающего механизма практик, его эмпирическое изучение не требует выделения в нем самостоятельных смысловых частей. В этом состоит его основное отличие от таких понятий, как «менталитет» или «диспозиции». Когда мы изучаем диспозиции или менталитет, мы должны всякий раз, говоря словами А.Н. Леонтьева, выделять молярную единицу действия и соответственно — атомарную, далее неразложимую диспозицию (предполагается функциональное соответствие между диспозицией и действием). Это создает эмпирические сложности, которые нашли отражение в концепции диспозиционной регуляции личности В. А. Ядова, устанавливающей текущее структурирование системы диспозиций и изменение содержания диспозиций от уровня к уровню. Выход из неразрешимой ситуации изучения по сути трансцендентных состояний «внутреннего плана субъекта», описываемых суждениями исследователя, — именно таковыми являются диспозиции, — обычно находится на пути установления конвенций относительно допустимых интерпретаций результатов измерения достаточно произвольно выбранных «наблюдаемых переменных».

Принципиальным моментом исследования габитуса является то, что он может (и должен) быть проанализирован как целостное явление и рассмотрен через подвижную систему различий габитусов агентов, занимающих различные позиции в социальном пространстве, без «атомистической», разлагающей редукции. Такой ход мысли не исключает того, что в габитусе можно выделять

функциональные сегменты, такие как «этнос» и «эксис», а также исследовать его в диахронном плане: первичный и вторичный габитус, или в форме социологических обобщений: классовый и групповой габитус.

Габитус — это не эпифеномен практик, а механизм их порождения, который определяется генетически через двуединый процесс интериоризации/экстериоризации социальных отношений, он — та «клетка», из которой вырастет многообразие практик агента. Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, габитус есть повседневное социальное отношение, в которое практически вступает каждый (экстериоризация /интериоризация), а с другой — порождающая основа практик любого агента.

Концепция габитуса

Габитус есть структурированная система диспозиций — система действия, восприятия, мышления, оценивания и выражения, — предрасположенная функционировать как структурирующая структура. В качестве таковой габитус генерирует и структурирует практики и представления так, что они оказываются объективно адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которой, впрочем, он является. На этом основан эффект его *гистерезиса* (отставания, запаздывания): какое-то время после того, как социальные отношения изменились (или агент занял другую позицию в них), агент по-прежнему воспроизводит старые социальные отношения, продуктом которых является его габитус. Иными словами, габитус сохраняет постоянство в изменении, тем самым сообщая практикам свойства непрерывности и упорядоченности. «Будучи внутренним опытом, через который непрерывно осуществляется закон внешней необходимости, несводимой к непосредственному конъюнктурному принуждению, габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя... в виде схем восприятия, мышления и действия, дает более убедительную гарантию тождества и постоянства практик во времени, чем все формальные правила и явным образом сформулированные нормы» [1, с. 91].

Габитус функционирует как порождающий механизм, способный спонтанно производить в большинстве социальных ситуаций практики, выражающие один общий принцип. Иначе говоря, габитус систематическим образом проявляется во всех практиках агентов, его схемы переносимы из одной сферы в другую. Систематизируя практики агентов, габитус задает им относительное внутреннее единство, нечто вроде самосогласованности, когерентности, некий стиль.

Сказать, что габитус есть место интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего [6, с. 175] или продукт истории, производящий практики в соответствии со схемами, порожденными историей [с. 185], все равно что в более привычных выражениях сказать: габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности. В процессе интериоризации, которая есть не что иное, как практическое освоение принципов производства практик, не достигающее дискурсивного и рефлексивного уровней, агент имитирует практики других агентов; он не овладевает «рефлексивными моделями» практик, а присваивает *modus operandi* посредством как

простого ознакомления и повторения чужих практик, так и посредством скрытых и/или явных, бессознательных и/или методически организованных внушений (разнообразных «педагогических воздействий») принципов, которые проявляются *практически* в *навязанных практиках* и/или сформулированы явно, формализованы [5, с. 62; 6, с. 189]. При всей внешней самопроизвольности, имитации практик других агентов и многообразные формы внушения представляют собой структурированные упражнения, передающие тот или иной способ действий, ту или иную точку зрения, систему диспозиций [6, с. 191]. Интериоризируется логика функционирования системы социальных различий, и потому интериоризировать — значит, обрести способность спонтанно воспроизводить в своих практиках, представлениях и т. п. социальные отношения, существовавшие на момент интериоризации. В этом кроется одна из основных причин, по которой наличный социальный порядок поддерживается сравнительно долго и довольно просто.

Важнейшим моментом интериоризации является *инкорпорация* — воплощение социальных отношений в теле агента в виде его устойчивых диспозиций определенным образом говорить, ходить, чувствовать, держать спину и т. п.: «Если все общества... придают такое значение внешним, казалось бы, самым незначительным деталям поведения, ухода за собой, манерам... и речи, то это объясняется тем, что, рассматривая тело как память, общества доверяют ему в конспективной и практической, т. е. мнемотехнической форме, фундаментальные принципы культурного произвола» [6, с. 197].

Как и социализация, формирование габитуса в процессе интериоризации социальных отношений осуществляется в несколько этапов: первичный габитус, сложившийся в семье, служит основой восприятия и усвоения школьного образования; вторичный (школьный) габитус выступает условием и предпосылкой восприятия и оценивания сообщений СМИ и т. д. Иными словами, логика интериоризации превращает габитус в хронологически упорядоченное множество диспозиций, в «некую структуру определенного ранга», которая уточняет границы структуры низшего ранга (генетически предшествующие) и структурирует структуры высшего «посредством структурирующего действия, оказываемого на структурированный опыт, порождающий эти структуры» [6, с. 188].

Практики, обязанные своей специфической формой законам, свойственным каждому из полей социального пространства, суть продукт диалектической связи между социальными ситуациями и габитусом. Габитус производит в различных полях практики, воспроизводящие законы этих полей. Он может реализовывать один стиль в разных полях тем полнее, чем более исчерпывающе воспроизводятся в производимых им практиках принципы культурного произвола той или иной социальной группы [5, с. 178].

Чтобы объяснить практики агента, социологу надлежит реконструировать связь между теми социальными отношениями, интериоризацией которых он является, и теми, в контексте которых он производит практики. Габитус выступает в роли «практического смысла» и, взаимодействуя с социальными отношениями, воспроизводит объективированные в них смысловые структуры; условием такой актуализации является трансформация самих социальных отношений [2, с. 97]. Именно непредзаданное, непредустановленное взаимодействие

габитуса как системы когнитивных и мотивационных структур с непрерывно меняющимися социальными отношениями детерминирует интересы, лежащие в основе перехода к практике, в которой реализуются и которая обуславливает диспозиции [6, с. 206]. Габитус есть порождающий практики принцип, подчиняющийся «практической логике» — логике неопределенности и приближенности, свойственной повседневности. Поэтому ему присущи неопределенность и открытость, неуверенность и экспромт.

С одной стороны, как совокупность практических схем видения и деления социальной действительности, принципов практической (не-теоретической, обыденной) классификации, габитус представляет собой «практическое чувство». С другой, как совокупность интериоризированных схем восприятия и оценивания, мышления и выражения, он придает упорядоченной импровизации непреднамеренную изобретательность, использующую в качестве точек отсчета и опоры готовые «формулы», такие, как бинарные оппозиции различий: форма/содержание, главное/второстепенное, центр/периферия, высокое/низкое... [6, с. 182]. Габитус стремится элиминировать непредвиденные, случайные обстоятельства из любой социальной ситуации, с которой он сталкивается, переформулируя ее в задачу, принципом решения которой он является.

Иными словами, габитус — это способность свободно производить на практике усвоенные схемы восприятия, мысли, коммуникации, действия... В то же время габитус устанавливает и жесткие рамки, ограничения этой производительной способности: социальные отношения, продуктом которых он является, управляют практиками — не в духе лапласовского детерминизма, а посредством изначально заданных принуждений и ограничений его изобретательности. Габитус не допускает «...ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного» [2, с. 92]. С точки зрения концепции габитуса «...агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, т. е. объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более, чем тяжесть воздуха» [6, с. 182].

Интериоризированные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свободы и необходимости, разрешений и запретов, заключенных в социальных отношениях, порождают диспозиции, объективно совместимые с данными отношениями и заранее адаптированные к их требованиям. При этом наиболее невероятные практики исключаются как немислимые еще до какого-либо рассмотрения путем непосредственного подчинения социальному порядку, подчинения, принуждающего отказываться от невозможного и желать неминуемого.

Составляющие габитус диспозиции (практические схемы), производя адаптированные к социальным отношениям практики (продуктом которых они являются), осуществляют производство/воспроизводство социальных отношений. Однако габитус воспроизводит в любой момент времени именно ту систему социальных отношений, результатом которой он является; поэтому практики, порожденные габитусом, *a priori* адаптированы к социальным условиям лишь в той мере, в какой они остались похожими на те условия, в которых габитус сформировался. Поскольку диспозиции габитуса устойчивы и могут быть бо-

лее долговечными, нежели социальные отношения их собственного производства, постольку габитус генерирует дезадаптированные практики всякий раз, когда условия его функционирования слишком удаляются от породивших его условий. В этом случае практики, соответствовавшие уже не существующим социальным условиям, оказываются объективно неприспособленными к условиям настоящего.

Интериоризированные и инкорпорированные диспозиции являются одновременно осознанными и бессознательными. При этом «вопрос отношения между сознанием и бессознательным затемняет более важный вопрос об отношении между схемами, порождающими практики, и представлениями, которые агенты выстраивают о своей практике» [6, с. 204].

Как заметил Э. Дюркгейм, в каждом из нас живет «вчерашний человек», поскольку настоящее лишь в незначительной мере сравнимо с прошлым, откуда мы родом и в котором мы сформировались. Мы не рефлектируем прошлое, так как оно инкорпорировано в нас, составляет наше бессознательное. Вследствие этого мы не предрасположены принимать во внимание его законные притязания на руководство нашим поведением, восприятием и т. д. И наоборот, самые последние социальные установления мы ощущаем очень остро, поскольку они еще не превратились в наше бессознательное. Подобно этому габитус есть история, «ставшая природой», и тем самым отрицаемая в качестве таковой [6, с. 204]: диспозиции, составляющие габитус, по большей части неосознаны. Это бессознательное есть память, которую производит *сама история*, воспроизводя социальные отношения в псевдоприродах, каковыми и являются габитусы — габитус «...является бессознательным в том смысле, что его генезис включает в себя амнезию этого генезиса. Габитус является бессознательным и в том смысле, что вне сознания оказываются инкорпорированные ценности, ставшие телом, — вследствие трансубстанциональности, которую производит потаенная убедительность скрытого педагогического воздействия, способного внушить целую космологию, этику, метафизику, политику с помощью столь незначительных предписаний, как, например, "держись прямо"» [6, с. 204].

В результате язык и тело наводнены «кристаллизовавшимися» социальными представлениями. Практики производятся габитусом «автоматически», без участия сознания, но, тем не менее, им всегда сопутствует некая доля рефлексии хотя бы в виде оценки или минимального участия, необходимого для контроля над функционированием этих автоматизмов (например, в виде дискурса рационализации). Это частичное осознание, колеблющееся от постоянного присутствия сознания до его постоянного отсутствия, является не переменным элементом здравого смысла и помещается где-то между «естественным светом разума» и тьмой бессознательного. *

«Если габитус владеет агентами в большей степени, чем они сами им вла-

*«Все происходит так, как если бы агенты тем меньше нуждались в сознательном освоении принципов, которые склоняют их воспринимать, представлять и действовать в соответствии с определенной логикой (а следовательно, понимать, на первый взгляд непосредственно, продукты — произведения или практики — принципов, схожих с теми, которые они приводят в действие в своих практиках), чем полнее они освоили эти принципы на практическом уровне» [6, с. 201].

деют, то это, прежде всего, потому, что они владеют габитусом лишь в том его качестве, в каком он действует в них как принцип организации их действий, т. е. в форме, в которой они в то же время не владеют им в символической форме» [6, с. 202].

Переход от практического освоения к символическому предполагает некоторое расхождение между социальными условиями производства практик и социальными условиями производства габитуса, при котором спонтанные ответы габитуса оказываются неприспособленными к ситуации, и тогда встает вопрос не столько об отношении между сознанием и бессознательным, сколько об отношении между практическими схемами, порождающими практики, и представлениями, которые выстраивают о них агенты. Самые основополагающие принципы производства практик могут оставаться в неявной форме, пока они действуют сами по себе, но их превосходство исчезает, как только ставится вопрос о том, может ли оно себя обосновать, т. е. как только столкновение различных способов «убеждения» вынуждает проговаривать то, что понятно без слов, доказывать то, что само собой разумеется, и конституировать в должествующее-быть и должествующее-делать то, что переживается как единственный способ быть и делать, и, следовательно, воспринимать как основанное на произвольной институции закона то, что, казалось бы, вписано в саму «природу вещей» [6, с. 199].

Габитус и социальная солидарность

Социологически сконструированный агент определяется, помимо прочего, своей социальной траекторией. Бесконечное множество комбинаций социальных детерминаций траектории агента, несводимость временной серии позиций в социальных отношениях к другим и т. д. обеспечивает единичность габитуса агента. Структуры габитуса, произведенные прошлым опытом агента, постоянно структурирует его новый опыт; в свою очередь, новый опыт трансформирует его исходные структуры. Таким образом габитус реализует уникальную интеграцию, зависящую от хронологически упорядоченного опыта, определяемого социальной траекторией агента [2, с. 101 — 102].

Однако уникальность этих социальных траекторий относительна: их можно сгруппировать так же, как объединяют агентов в социальные группы «на бумаге» — статистически. «Группе по траекториям» соответствует множество агентов, которые в среднем (т. е. статистически) имеют больше шансов пережить одни и те же социальные ситуации и события в одном и том же хронологическом порядке, чем агенты, соотнесенные с другой «группой по траекториям». Легко видеть, что если социальная группа сконструирована социологом адекватно, то она совпадает с «группой по траекториям», поскольку индивиды из одной и той же социальной группы будут гораздо чаще попадать в одни и те же ситуации, нежели индивиды из разных групп. Поэтому отношения между габитусами агентов, принадлежащих к одной социальной группе, можно представить как отношение гомологии — разнообразия в сходстве — социальных

условий становления габитусов [2, с. 101]. Эта гомология выражает тот фундаментальный факт, что социальная траектория агента есть не что иное, как частный случай социальной траектории его группы, а индивидуальные габитусы представляют собой вариации группового габитуса. *

В качестве системы практических схем (диспозиций), т. е. схем восприятия, оценивания, мышления и действия, габитус является «порождающей основой» практик, выступая в качестве более или менее устойчивого, более или менее полного принципа объективного согласования практик агента или группы агентов. При отсутствии видимого принуждения или желания отдельных агентов, принадлежащих к одной группе, габитус гармонизирует, делает их практики «осмысленными» или «разумными», связанными просто потому, что в идентичных социальных условиях производятся схожие системы практических схем. Следовательно, габитус представляет собой, во-первых, условие согласования практик агентов, относящихся к одной группе, при отсутствии какой-либо самопроизвольной или навязанной организации индивидуальных практических схем, ** и, во-вторых, является самой практикой согласования.

У агентов, обладающих одинаковым габитусом, не возникает нужды в согласовании для того, чтобы действовать аналогичным образом, например, когда речь идет о выборе супруга, профессии, депутата, мебели и т. п. Каждый прислушивается к своему «личному вкусу», реализуя свой «индивидуальный проект», спонтанно согласуясь при этом с тысячами других агентов, которые воспринимают, оценивают, думают и действуют так же, как он. Конечно, коллективные практики тоже отчасти управляемы и систематизированы общими эксплицитными планами, сознательно даваемыми и получаемыми указаниями, приказами, решениями, выработанными совместно. Но в основном коллективные практики обязаны своей связанностью и единством эффекту габитуса. Именно он составляет для агентов, находящихся в сходных социальных условиях, одновременно и принцип, производящий спонтанные, классифицирующие и классифицируемые практики, и принцип классификации практик других агентов.

Существование сходных габитусов может объяснить все феномены спонтанной гармонизации практик агентов, занимающих одну и ту же социальную

*Самосогласованность, когерентность групповых габитусов вытекает из того, что «они являются продуктами диспозиций, которые, будучи интериоризацией тех же объективных структур, объективно организованы, и что практики членов одной группы или дифференцированного общества наделены объективным смыслом, одновременно единичным и систематичным, трансцендентным относительно субъективных намерений и сознательных — индивидуальных или коллективных — планов». Когерентность индивидуальных габитусов: «Личный стиль, т. е. та своеобразная марка, которой снабжены все продукты одного и того же габитуса, практики или произведения, всегда представляет собой лишь отклонение от стиля какого-либо времени или класса, однако это отклонение настолько хорошо отрегулировано и иногда даже закодировано, что личный стиль соотносится с общим стилем не только в силу конформизма..., но еще и в силу отличия, составляющего "манеру" как таковую» [6, с. 189].

**Практики, произведенные одним групповым габитусом, «воспринимаются как очевидные или само собой разумеющиеся, т. е. как непосредственно понятные и предсказуемые, теми и только теми агентами, которые практическим владеют системой схем действия и интерпретации, объективно содержащихся в исполнении этих практик» [6, с. 180].

позицию, к примеру, ситуацию более или менее интенсивного эмоционального согласия (или несогласия), а также солидарности, которая обозначается различиями симпатия/антипатия, привлекательность/отвращение, дружба/вражда, любовь/ненависть, идентичность/отчуждение... Можно, кстати, повседневно наблюдать систематическое соответствие характеристик агентов, которые связывают избирательные связи. Это происходит потому, что габитус позволяет агенту осознавать и спонтанно оценивать с точки зрения социальной группы личность любого другого. Таким образом, любой агент, с которым мы находимся во взаимодействии, тут же оказывается классифицированным, но не в настоящих — точных, выявленных, рациональных — социологических категориях, а в своеобразных рубриках, которые, если их сознательно сформулировать, могли бы выглядеть так: «Этот человек не моего крута», или наоборот: «Мы из одной песочницы». Отношение к другому есть, по сути, коммуникация габитуса с габитусом, связь скорее практическая, нежели интеллектуально воспроизводимая. Именно из этой связи вырастает солидарность, оформляющая социальные группы.

Литература

1. Bourdieu P. Raison pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris: Éd. de Seuil, 1994.
2. Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Éd. de Minuit, 1980.
3. Бурдьё П. Кодификация // Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
4. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Éd. de Minuit, 1979.
5. Bourdieu P., Passeron J.-C. La Reproduction. Paris: Éd. de Minuit, 1970.
6. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Genève: Éd. de Droz, 1972.